

Р.А. Полончук

Подходы китайского руководства к обеспечению безопасности Центральной Азии в условиях развития ШОС

Аннотация. В данной статье анализируется растущая роль Китая в обеспечении безопасности в Центральной Азии. Рассматриваются различные аспекты китайского влияния, включая экономические инвестиции, дипломатические усилия, сотрудничество в сфере безопасности и участие в региональных организациях, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Исследование оценивает мотивы Китая, его стратегии и инструменты, используемые для достижения целей в области региональной безопасности, а также оценивает влияние его политики на стабильность и динамику обстановки в Центральной Азии. Особое внимание уделяется вызовам и возможностям, которые представляет собой китайское присутствие для стран региона, а также для других международных игроков, таких как Россия и США. В заключении предлагается прогноз развития ситуации с учетом растущего влияния Китая и его последствий для региональной безопасности и геополитики.

Ключевые слова: Центральная Азия, Китай, безопасность, диверсификация, внешняя политика, зависимость, влияние, Пекин, зона безопасности.

Автор: Полончук Руслан Андреевич, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0009-0000-5495-3016. E-mail: polonchuk@iccaras.ru

Ruslan A. Polonchuk

Approaches of the Chinese Leadership to Ensuring Security in Central Asia in the Context of the Development of the SCO

Abstract. This article examines China's growing role in Central Asian security. Various aspects of Chinese influence are examined, including economic investment, diplomatic efforts, security cooperation, and participation in regional organizations such as the Shanghai Cooperation Organization (SCO). The study assesses China's motives, strategies, and instruments used to achieve its security objectives in the region, and evaluates the impact of its policies on the stability and dynamics of Central Asia. Particular attention is paid to the challenges and opportunities that China's presence poses for the Central Asian countries, as well as for other international actors such as Russia and the United States. The article concludes by offering a forecast for future developments in the region, taking into account China's growing influence and its implications for regional security and geopolitics.

Keywords: Central Asia, China, security, diversification, foreign policy, dependence, influence, Beijing, security zone.

Author: Polonchuk, Ruslan A., Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0009-0000-5495-3016. E-mail: polonchuk@iccaras.ru

В условиях современной международной обстановки дискуссия о совершенствовании механизма обеспечения безопасности Центральной Азии (ЦА) остается в фокусе исследований профессионального сообщества [Бордачев, Тебин, 2025]. С точки зрения изучения проблем глобального и регионального развития, регион ЦА традиционно представляет значительный интерес для отечественных и зарубежных исследователей, поскольку являет собой совокупность взаимосвязанных субъектов международных отношений, взаимодействие между которыми постоянно усложняется. В связи с этим все более обоснованным становится комплексный подход к одновременному изучению региона с позиций национальной, региональной и глобальной безопасности.

Страны ЦА смогли со временем стать единой системой, на которую же, однако, влияют и другие внешние игроки. Так, в свете конкуренции великих держав (стратегический «треугольник» США—Россия—Китай) данный регион становится своеобразной площадкой для апробации подходов к обеспечению безопасности, в том числе и за счет участия внешних акторов [Румянцев, 2024]. Представляется, что, несмотря на определенные объективные трудности, за счет своих экономических, политических и военных возможностей в обеспечении региональной безопасности в ЦА преуспел именно Китай. Данное обстоятельство делает исследование китайских подходов к обеспечению безопасности в ЦА насущной задачей, которая представляет интерес для органов государственной власти и частных структур России, участвующих во внешнеполитической деятельности.

Экскурс в проблему

В Центральной Азии с китайским присутствием связано много опасений и предубеждений. Однако, несмотря на объективные проблемы в отношениях и очевидные препятствия, в регионе увеличивается влияние КНР даже в чувствительной сфере безопасности. У этого процесса есть два основных двигателя. Во-первых, с момента обретения независимости страны ЦА видят главной целью своей внешней политики диверсификацию международных связей. Во-вторых, с ростом влияния Китая растет и его потребность в расширении своего «зонтика безопасности», а Центральная Азия по географическим причинам попадает под него в первую очередь.

Эти два фактора не сильно зависят от сторонних обстоятельств, по крайней мере, сложно представить такое событие, которое заставило бы страны Центральной Азии отказаться от своей многовекторности во внешней политике, а Китай — от укрепления своего «зонтика безопасности». Поэтому сближение Китая и Центральной Азии в вопросах безопасности — долгосрочный тренд, который с годами будет усиливаться. Чтобы понять, в каком направлении это партнерство будет двигаться в будущем, необходимо иметь представление о том, как оно выглядит сегодня [«Новая холодная война»...].

Фундамент сотрудничества

Когда речь заходит о взаимодействии Китая с государствами ЦА, зачастую упоминается китайское присутствие в экономике региона. Например, по имею-

щимся оценкам в период 2020—2024 гг. Китай является вторым главным торговым партнером для Казахстана (18,2 млрд долл.), Узбекистана (7,4 млрд долл.) и Киргизии (1,5 млрд долл.). При этом Китай — третий главный партнер для Таджикистана (839,3 млн долл.) и Туркменистана (1 млрд долл.). К 2020 г. объем накопленных инвестиций Китая в Центральную Азию превысил 12 млрд долл. (аналогичный показатель российских инвестиций в три раза меньше — 4,1 млрд долл.) [The CIA World Factbook...].

Некоторые специалисты полагают, что наблюдаемое в последние годы укрепление партнерства в сфере безопасности (к примеру, новости о появлении в Таджикистане уже второй китайской «военной базы») — это результат динамичного экономического сотрудничества. Распространено и следующее предположение: раньше Китай интересовался лишь инвестициями в регион, а в вопросах безопасности предпочитал полагаться на Россию [Тренин, Авакянц, Караганов, 2024].

Со своей стороны отметим, что самые первые шаги, которые Китай предпринял в направлении Центральной Азии сразу после образования независимых стран, касались именно сферы безопасности. Связано это в первую очередь с тем, что после распада СССР КНР обнаружила себя в неудобном положении. Вместо одного государства на границе Китая возникло много новых. С обществами Центральной Азии в составе СССР Пекин все это время взаимодействовал через Москву. Поэтому в начале 1990-х гг. еще не было понятно, какими окажутся политические режимы новых государств, какой путь развития они изберут.

Усложняло ситуацию и то, что регион из пяти независимых стран Центральной Азии возник по соседству с Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР). Главное опасение Пекина состояло в том, что пример соседей в обретении независимости придаст новый толчок сепаратистским настроениям в этнически, культурно и лингвистически близком к центральноазиатским странам Синьцзяне. Кроме того, именно на это время пришелся подъем сепаратистского движения в СУАР. Поэтому Пекину было необходимо в первую очередь убедиться, что возникшие здесь государства не станут поддерживать активистов из различных движений за независимость Восточного Туркестана, а станут сотрудничать по вопросам борьбы с любыми проявлениями сепаратизма [«Новая холодная война»...].

Эти вопросы изначально обсуждались на самом высоком уровне. Например, во время первого официального турне председателя КНР Цзянь Цзэмина по Центральной Азии в 1996 г. консенсус по вопросам противостояния любым сепаратистским настроениям был закреплен на бумаге вместе с обязательствами «укреплять взаимное доверие в военной сфере».

Политическим режимам Центральной Азии, в свою очередь, тоже было необходимо наладить новые контакты и заручиться поддержкой крупных соседей. На начальном этапе предпринимались отдельные локальные попытки поддержки уйгурских активистов. В Центральной Азии, по некоторым оценкам, проживает около 500 тыс. этнических уйгуров, некоторые из них пытались открывать ячейки «Исламского движения Восточного Туркестана» (признано международной террористической организацией СБ ООН). Однако на государственном уровне ни о какой поддержке уйгурского сепаратизма речи не шло. Руководители стран Центральной Азии понимали, что своей помощью не смогут всерьез изменить поло-

жение уйгуров и мусульман в Китае, а своими неудачными попытками лишь рассердят Пекин. Более того, некоторые руководители стран Центральной Азии ассоциировали себя скорее с Пекином, нежели с СУАР: Узбекистан сталкивался с похожими проблемами в Каракалпакстане, Таджикистан — на Памире и т. д.

Если у истоков двустороннего сотрудничества стран Центральной Азии с Китаем по вопросам безопасности лежит вопрос Синьцзяна, то началом многостороннего сотрудничества можно назвать решение территориальных вопросов через формат «Шанхайской пятерки» (Китай, Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан), которая позже в 2001 г. преобразовалась в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Сегодня ШОС — основная площадка, которую КНР использует для многостороннего сотрудничества в сфере безопасности со странами ЦА [Стратегический обзор...].

Третий важный аспект сотрудничества Китая со странами Центральной Азии возник на волне глобальной борьбы против терроризма после терактов 11 сентября 2001 г. Примерно в то же время Китай объединил сепаратизм, экстремизм и терроризм в единый концепт «трех сил зла», а Центральная Азия превратилась в буфер между Китаем и несущим угрозы безопасности Афганистаном. В 2021 г. с приходом к власти в Кабуле движения «Талибан» данная роль региона стала еще более актуальной для Пекина [«Новая холодная война»...].

Вся экономическая активность, которую можно наблюдать в отношениях КНР и Центральной Азии, была бы невозможна, если бы страны не пришли к консенсусу по вышеперечисленным аспектам сотрудничества в сфере безопасности. Причем отчасти вовлечение в экономическое развитие региона также продиктовано желанием стабилизировать ситуацию в СУАР. Регионы КНР по-разному ощутили на себе эффект китайского «экономического чуда»: если прибрежные провинции процветали все последние десятилетия, то северо-западные превратились в относительно депрессивные регионы¹. Такой контраст в благополучии лишь усугублял существующие проблемы. Пример самого масштабного плана по сглаживанию контраста в развитии разных регионов — это инициатива «Пояса и пути», сухопутную часть которой («Экономический пояс шелкового пути») председатель КНР Си Цзиньпин запустил более 10 лет назад в Казахстане.

Подходы к защите национальных интересов КНР в Центральной Азии

Предметное сотрудничество Китая со странами Центральной Азии в сфере безопасности начало реализовываться в 2000-е гг. после того, как стороны договорились решить территориальные споры, а также достигли понимания по вопросам недопустимости поддержки сепаратизма. В 1990-е гг. страны в основном

¹ В данном аспекте в китайской научной литературе зачастую используется термин «ржавый пояс», под которым китайские ученые понимают территории КНР, которым в 1990-е и 2000-е гг. не выделялось приоритетное финансирование для модернизации социальной структуры и промышленности. В связи с этим ряд предприятий на данных территориях пришел в упадок. Этим предприятиям потребовалось еще больше инвестиций для ускоренного развития до уровня промышленности южных провинций Китая, которые все это время получали приоритетное финансирование.

налаживали контакты, находили точки соприкосновения, то есть вели активную дипломатию, в том числе и по линии военных ведомств.

Всего с начала установления дипотношений и до 2020 г. число встреч официальных лиц разного уровня, на которых обсуждались вопросы безопасности, достигло почти 300, а с начала 2000-х гг. по 2020 г. состоялось около 150 встреч высокопоставленных представителей оборонных ведомств Китая с коллегами из центральноазиатских стран. На фоне пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 формат взаимодействия был расширен за счет проведения мероприятий в онлайн формате [Конкуренция между США и КНР...].

Отслеживая вопросы, которые стороны обсуждали на этих встречах, можно понять, на чем китайское руководство в разное время концентрировало свое внимание в Центральной Азии. В 1990-е гг. основные вопросы касались борьбы с сепаратизмом. Для укрепления стабильности недавно оформленных политических режимов как изнутри, так и извне странам Центральной Азии было выгоднее сотрудничать с Пекином в борьбе с сепаратизмом в СУАР.

Позже, в 2000-х гг., на встречах по вопросам безопасности стороны стали чаще обсуждать борьбу с терроризмом и радикальным исламом («тремя силами зла»). На практике это реализовалось в активизации совместных военных учений и взаимодействия силовых структур. Примечательно, что свои первые в истории двусторонние учения Народно-освободительная армия Китая (НОАК) провела именно с Киргизией в октябре 2002 г. С тех пор КНР провела более 12 двусторонних военных учений со всеми странами Центральной Азии. При этом практически все многосторонние учения с участием КНР и стран региона проходят под эгидой ШОС, а с 2003 г. их было организовано более двадцати [The Chinese Peoples...].

Основные сценарии, которые китайские силовые структуры разыгрывают совместно с центральноазиатскими коллегами, зависят от страны и обстоятельств. К примеру, в последнее время чаще проводятся учения в киберпространстве: военные тренируются совместно выявлять экстремистские материалы в социальных сетях и обмениваться данными о террористических группировках, действующих в интернете. После 2016 г. стали чаще прорабатываться сценарии ликвидации террористических группировок.

В целом, 2016 г. стал переломным моментом в отношениях Китая со странами Центральной Азии. В августе 2016 г. в посольстве КНР в Бишкеке произошел теракт, в ходе которого смертник протаранил ворота и подорвал себя. Никто из представителей китайской дипмиссии не пострадал, однако данное событие оказало важный психологический эффект на политику КНР в регионе. С этого момента к традиционно обсуждавшемуся партнерству в борьбе с «тремя силами зла» стали добавляться вопросы обеспечения безопасности китайских граждан на территории стран Центральной Азии [«Новая холодная война»...].

Помимо диалога с властями стран Центральной Азии, КНР стала поощрять работу китайских частных охранных компаний в регионе. Сегодня известно о десятках случаев, когда китайские объекты в Центральной Азии охраняются китайскими же частными охранными предприятиями, в основном в Киргизии.

Несмотря на повышенную активность Пекина в отдельных вопросах, КНР не собирается заменить Россию в роли главного гаранта региональной безопас-

ности в Центральной Азии. Пока китайское присутствие невозможно сравнивать с российским. Ни у кого, кроме Москвы нет легальных инструментов для открытого военного присутствия в регионе. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) продемонстрировала это в январе 2022 г. в Казахстане. Следует также отметить, что никто не располагает военными объектами в Центральной Азии в тех же количествах и масштабах, что и Россия.

Тем не менее, сложно не заметить растущее влияние Китая в этой сфере. Особенно это видно по статистике торговли вооружениями и военной техникой. Россия все еще является доминирующим поставщиком, продав с 1991 г. Центральной Азии вооружений и военной техники на сумму около 4 млрд долл. США. При этом если страны, входящие в ОДКБ, практически все свое вооружение закупают в России, то для Узбекистана и Туркменистана ситуация обстоит иначе. Ташкент — единственный, кто с 1991 г. закупил в денежном выражении вооружений больше в Китае, чем России¹. Придерживающийся во внешней политике нейтральности Туркменистан с 2014 по 2018 гг. также закупил в России меньше оружия, чем в Китае. При этом необходимо подчеркнуть, что главным поставщиком вооружений в Туркменистан является Турция [Стратегический обзор...].

С другой стороны, такое положение дел можно объяснить различной специализацией Москвы и Пекина на рынке военной техники. Так, на вооружении стран Центральной Азии в основном стоят китайские ударные беспилотные летательные аппараты «Винлун-1», броневые автомобили и патрульные машины, ракеты наземного базирования, переносные зенитные ракетные комплексы третьего поколения «Цяньвэй-2» и мобильные радиолокационные станции. Все остальное, включая воздушную военную технику и тяжелую сухопутную, страны Центральной Азии закупают в России.

Такая же специализация прослеживается в военных учениях между КНР и странами Центральной Азии, если сравнивать их с российскими. К примеру, большинство учений с Россией (65 %) организованы вооруженными силами РФ, а с участием Китая — различными силовыми ведомствами, а также спецназом.

Перспективы военно-политического присутствия КНР в Центральной Азии

Основа присутствия Китая в сфере безопасности Центральной Азии связана с важнейшими национальными интересами Пекина. Однако это не значит, что сотрудничество не может выходить за границы этих интересов и развиваться в новых направлениях. По другим вопросам Китай действует в том же русле, что и Россия. Например, предлагает учебные курсы для военнослужащих из стран Центральной Азии: с 2000 г. более 100 000 офицеров из региона прошли обучение на этих программах.

Китай становится заметным игроком в сфере безопасности в Центральной Азии, и многие американские и европейские аналитики полагают, что это знак нарастания конкуренции (в ряде американских аналитических докладов зачас-

¹ Несмотря на начало СВО на Украине в 2022 г., Центральная Азия продолжила оставаться приоритетным направлением продвижения экономических интересов России. Данное обстоятельство определяет продолжение военно-политического присутствия РФ в регионе.

тую используется термин «грядущий раскол») в отношениях Пекина и Москвы. Особенно много подобных обсуждений возникло после новостей о появлении новой «военной базы» КНР в Таджикистане в 2021 г. Однако в обозримом будущем российско-китайский конфликт в регионе представляется маловероятным. Ниже попробуем обосновать наше предположение.

Из всех стран Центральной Азии Таджикистан — единственная, которая по вопросам безопасности одновременно тесно сотрудничает как с Россией и Китаем, так и с другими государствами. Например, поступали сообщения о том, что военно-воздушные силы Индии имеют доступ к таджикистанскому аэропорту Фархор на границе с Афганистаном. В апреле 2021 г. Таджикистан договорился создать совместный комитет по обороне с Ираном, а с США регулярно проводит военные учения. Такой диверсифицированный набор партнеров в области безопасности чрезвычайно важен для политического режима Таджикистана, вооруженные силы которого считаются самыми слабыми в Центральной Азии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно в Таджикистане одновременно присутствуют и Россия, и Китай [«Новая холодная война»...].

Для КНР Таджикистан важен, так как это единственная страна в регионе, которая граничит одновременно и с Афганистаном, и с Китаем. В Таджикистане также сравнительно высоки риски терроризма и религиозного экстремизма, а через таджикско-афганскую границу проходит один из путей наркотрафика в Китай. Примечательно, что все эти проблемы только усугубились с уходом США из Афганистана [Козин, 2022].

Представляется, что говорить о чисто военном присутствии Пекина в регионе не совсем корректно. Формально военного присутствия Китая в Центральной Азии нет. Так, согласно таджикистанским документам, объекты, построенные КНР в Ваханском коридоре — это «полицейские академии» для МВД Таджикистана. Один комплекс зданий уже возведен, а второй будет расположен в районе Ишкашим близ таджикско-афганской границы [Шашок, 2024]. Также важно понимать, что объекты в Таджикистане строит не НОАК, а Народная вооруженная полиция (НВП) — внутренние военизированные формирования (аналог российской Росгвардии), которые в мирное время занимаются охраной правопорядка и обеспечением общественной безопасности [Кашин, 2024].

Китай увеличивает свое глобальное силовое присутствие именно через НВП. Ее полномочия постепенно расширяются и все больше пересекаются с военными. По закону 2015 г. она отвечает за борьбу с терроризмом, а с 2018 г. перестала подчиняться гражданским структурам, перейдя под полный контроль Центрального военного совета (высший орган управления вооруженными силами), который возглавляет председатель КНР Си Цзиньпин. Также по Закону КНР «О сухопутных границах» с 1 января 2022 г. за НВП закрепляются еще и функции пограничной службы. Начиная с 2000-х гг. служащих вооруженной полиции отправляют участвовать в миротворческих миссиях ООН [Зуенко, 2024].

Также вооруженная полиция проводит регулярные учения с зарубежными партнерами. До пандемии COVID-19 вооруженная полиция КНР запустила новый вид учений «Сотрудничество-2019» с силовыми подразделениями стран Центральной Азии.

Перспективы усиления КНР своих позиций в ШОС

Для защиты собственных интересов в Центральной Азии Китай широко использует потенциал ШОС. Анализ результатов саммита ШОС в Астане (Казахстан) 4 июля 2024 г. позволяет утверждать, что дальнейшее укрепление данной международной структуры рассматривается в Китае как одно из важных направлений внешнеполитической деятельности страны. В Пекине полагают, что деятельность ШОС уже завоевала признание в качестве весомого фактора региональной и глобальной политики [Кашкаров, 2024]. Пекин положительно оценивает проделанную организацией работу по обеспечению безопасности, а именно:

- создание Региональной антитеррористической структуры и механизма ежегодных совещаний министров обороны стран — участниц организации;
- утверждение «Конвенции Шанхайской организации сотрудничества против терроризма» и фактически полная реализация «Программы сотрудничества государств — членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2015—2018 гг.»;
- утверждение Конвенции ШОС по противодействию экстремизму;
- реализацию соглашения о взаимодействии министерств обороны стран — участниц ШОС и соглашения о сотрудничестве и взаимодействии по пограничным вопросам;
- подписание «Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по борьбе с экстремизмом» и «Антинаркотической стратегии на 2017—2022 гг.»;
- проведение на постоянной основе совместных антитеррористических учений;
- реализацию совместных мер компетентных органов государств — членов ШОС в отношении лиц, возвращающихся на их территории после участия в вооруженных конфликтах на стороне международных террористических, сепаратистских и экстремистских организаций;
- реализацию совместных мер компетентных органов государств — членов ШОС по противодействию кибертерроризму;
- реализацию государствами — членами ШОС совместных мер по противодействию вербовке в террористические, сепаратистские и экстремистские организации;
- формирование экспертной рабочей группы при совещании министров обороны государств — членов ШОС (первое совещание проведено в марте 2018 г. в Москве);
- усиление координации между РАТС и соответствующими структурами ОДКБ и СНГ [Там же, 2024].

Дальнейшее развитие военного сотрудничества в рамках ШОС в Пекине рассматривают с точки зрения повышения роли организации в обеспечении региональной безопасности и стабильности. По оценкам китайских экспертов, общая заинтересованность стран-участниц в совместном противодействии терроризму, экстремизму, сепаратизму, а также незаконному обороту наркотиков и торговле оружием обуславливает дальнейшее укрепление военных связей между ними. Китайское руководство намерено поддерживать данное направление развития ШОС, полагая, что это будет способствовать повышению безопасности северо-западных границ КНР, пресечению экстремистской деятельности национа-

листических группировок в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, а также позволит ограничить наращивание военного присутствия США и их союзников в Центральной Азии.

В ближайшей перспективе первостепенное внимание предполагается уделить проведению многосторонних военных учений антитеррористической направленности и учений с отработкой отдельных элементов спецопераций. Кроме того, китайская сторона предлагает расширить тематику ежегодных совещаний министров обороны и начальников генеральных штабов. В Пекине также считают важным расширить масштабы и тематику совместных мероприятий оперативной и боевой подготовки. Характерно, что их проведение планируется увязывать с конкретными политическими задачами, стоящими перед Китаем. В частности, руководство КНР придает особое значение российско-китайским учениям «Морское взаимодействие» и компьютерным командно-штабным учениям по противоракетной обороне «Воздушно-космическая безопасность». Их главной целью является, по мнению Пекина, демонстрация региональным соперникам высокого уровня отношений с Российской Федерацией.

В качестве перспективных форм взаимодействия в формате ШОС руководство НОАК рассматривает международные соревнования. Однако в последнее время в ходе их организации отмечаются определенные противоречия с российской стороной. В частности, КНР рассчитывает использовать достижения Министерства обороны РФ в интересах укрепления престижа в первую очередь собственных вооруженных сил. С этой целью командование НОАК намерено увеличить количество конкурсов на территории КНР, а также внести изменения в регламент соревнований с предоставлением права принятия окончательных судебных решений комиссии страны-организатора.

Актуальным направлением укрепления военных связей КНР со странами-участницами ШОС остается объединение усилий в борьбе с международным терроризмом, сепаратизмом и религиозным экстремизмом. По мнению китайского командования, данные усилия оказывают стабилизирующее влияние на региональную обстановку и являются значимыми мероприятиями подготовки вооруженных сил страны к ведению контртеррористических и противодиверсионных действий на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района.

В то же время китайские лидеры не намерены отказываться от ключевого принципа своей внешнеполитической стратегии, заключающегося в позиционировании КНР как независимого центра силы (в перспективе — «сверхдержавы» сопоставимой с США), не связанного ни с кем никакими союзническими обязательствами. Это обуславливает приоритетность достижения Пекином односторонних преимуществ в ходе российско-китайского сотрудничества в рамках ШОС. В частности, Китай не планирует снижать интенсивность усилий, направленных на проникновение и закрепление в зонах традиционных российских интересов (СНГ, Центральная Азия), продвижение собственных, в том числе конъюнктурных подходов к развитию ШОС и БРИКС.

Таким образом, учитывая важность Центральной Азии для обеспечения экономических интересов и национальной безопасности Китая, в Пекине отмечают необходимость поступательной активизации связей со странами региона как в двустороннем формате, так и в рамках ШОС.

Выводы

По результатам анализа роли Китая в обеспечении безопасности Центральной Азии представляется возможным сделать следующие выводы и обобщения:

1. Китай нацелен на постепенную интеграцию ЦА в сферу своего влияния, делая выбор в пользу кардинального укрепления позиций в экономике государств региона за счет интенсификации проектной деятельности, увеличения объемов инвестиций и кредитов.

2. Китай играет все большую роль в обеспечении безопасности Центральной Азии, поскольку это напрямую выгодно национальным интересам КНР. Перспективы развития китайской инициативы «Пояс и путь» в странах ЦА напрямую зависят от их внутривластной стабильности. Поэтому политическое руководство КНР уделяет пристальное внимание сотрудничеству со странами региона в сфере безопасности.

3. Исследование показало, что на современном этапе неверно определять действия КНР в регионе ЦА как «военное присутствие» или приравнивать расширение китайского силового влияния к американскому или российскому. Понятие «военное присутствие» не отображает сущности происходящих процессов, поскольку не учитывает особенности китайского присутствия в сфере безопасности в Центральной Азии. Основным из них является вовлечение в сотрудничество не вооруженных сил, отвечающих за неприкосновенность и суверенитет территорий государств, а внутренних сил безопасности, ответственных за гарантированное обеспечение общественной безопасности.

4. Тесное партнерство КНР и стран ЦА невозможно представить без спроса на него из самого региона. Данное обстоятельство ставит под сомнение популярные в среде западных международных прогнозы о грядущем столкновении интересов России и Китая в борьбе за Центральную Азию. Странам региона, зажатым в глубине континента без выхода к морю, невыгодно, чтобы один влиятельный сосед вытеснял другого.

5. В существующих условиях России необходимо адаптироваться к наличию мощного конкурента с широкими финансовыми и технико-технологическими возможностями, встраиваясь в транспортно-логистические и экономические проекты и укреплять военно-техническое сотрудничество со странами Центральной Азии.

Библиографический список

«Новая холодная война» в Азии. Глобальное и региональное измерение / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2025. 285 с.

Бордачев Т.В., Тебин П.Ю. Без «тени войны», но в тени ответственности. Россия и Центральная Азия перед общими вызовами безопасности // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 3. С. 164—180.

Зуенко И.Ю. Китай в эпоху Си Цзиньпина. М.: АСТ, 2024. 320 с.

Кашкаров А.П. Армии стран мира. М.: СОЛОН-ПРЕСС, 2024. 288.

Кашин В.Б. Политика КНР в сфере обороны и безопасности // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2023. М.: ИКСА РАН, 2024. С. 51—66.

Козин В.П. Ключевые военные стратегии США: их национальные и глобальные последствия. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2022. 384 с.

Конкуренция между США и КНР: возможности для России / Е.Н. Грачиков, В.А. Данилов, Д.А. Дегтерев [и др.]. М.: Аспект Пресс, 2024. 300 с.

Румянцев Е.Н. Современная китайская политика: в 2 томах. Внешняя политика. М.: Синосфера, 2024. 617 с.

Стратегический обзор 2024 / под ред. А.Г. Арбатова; ИМЭМО РАН; МГИМО МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2024. 348 с.

Тренин Д.В., Авакянц С.И., Караганов С.А. От сдерживания к устрашению. М.: Молодая гвардия, 2024. 152 с.

Шашок Л.А. Вызовы и угрозы безопасности государств Центральной Азии после прихода к власти в Афганистане движения «Талибан» // Евразийские исследования. 2024. № 1. С. 44—56. DOI 10.24412/cl-37229-2024-1-43-56. EDN HOZKCY.

References

Bordachev T.V., Tebin P.Yu. Without the “shadow of war”, but in the shadow of responsibility. Russia and Central Asia facing common security challenges // Russia in global politics. 2025. Vol. 23. No. 3. Pp. 164—180. (In Russian)

Competition between the United States and China: Opportunities for Russia / E.N. Grachikov, V.A. Danilov, D.A. Degterev [et al.]. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2024. 300 p. (In Russian)

Kashkarov A.P. Armies of the countries of the world. M.: SOLON-PRESS, 2024. 288.

Kashin V.B. China's defense and security policy / V. B. Kashin // People's Republic of China: politics, economics, culture. 2023. Moscow : Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences, 2024. P. 51—66. (In Russian)

Kozin V.P. Key US Military Strategies: Their National and Global Consequences. / V.P. Kozin. — Moscow: Sabashnikov Publishing House, 2022. 384 p. (In Russian)

“New Cold War” in Asia. Global and Regional Dimension / Ed. by D. V. Streletsov. — M.: Aspect Press Publishing House, 2025. 285 p. (In Russian)

Rumyantsev E.N. Modern Chinese Policy: in 2 volumes / E.N. Rumyantsev. Foreign Policy. Moscow : Sinosphere, 2024. 617 p. (In Russian)

Shashok, L.A. Challenges and threats to the security of Central Asian states after the Taliban movement came to power in Afghanistan / L.A. Shashok // Eurasian studies. 2024. No. 1. P. 44—56. DOI 10.24412/cl-37229-2024-1-43-56. EDN HOZKCY.

Strategic Review 2024 / edited by A.G. Arbatov; IMEMO RAS; MGIMO MFA of Russia. Moscow: MGIMO-University, 2024. 348 p. (In Russian)

The CIA World Factbook 2024—2025. Skyhorse Publishing. p. 3026.

The Chinese Peoples Liberation Army in 2025 / Strategic Studies Institute and U.S. Army War College Press, 2015. 267 p.

Trenin D.V., Avakyants S.I., Karaganov S.A. From Deterrence to Intimidation / D.V. Trenin, S.I. Avakyants, S.A. Karaganov. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2024. 152 p. (In Russian)

Zuenko I.Yu. China in the era of Xi Jinping / I.Yu. Zuenko. Moscow: AST Publishing House, 2024. 320 p. (In Russian)